

Научная статья

DOI: 10.15393/j9.art.2022.10582

Религиозная идея повести В. Ф. Одоевского «Необойденный дом»

Д. Б. Терешкина

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ (Новгородский филиал)
(г. Великий Новгород, Российская Федерация)*

e-mail: terdb@mail.ru

Аннотация. В статье предлагается анализ повести В. Ф. Одоевского «Необойденный дом» (1840) с точки зрения отражения в ней «религиозного чувства», которое было свойственно В. Ф. Одоевскому на протяжении всей жизни писателя. В произведении евангельский текст проявляется в понимании христианства как общенародного «религиозного чувства» с общим смыслом прощения, милосердия и любви. Источниками повести, вероятно, послужили духовные стихи, в издании которых В. Ф. Одоевский позже принимал самое активное участие. Возможными источниками «сказания» могли стать произведения средневековой книжности («Хожение Богородицы по мукам», «Повесть о Савве Грудцыне»), параллели обнаруживаются и с агиографической литературой. «Религиозное чувство» В. Ф. Одоевского состояло в объединении разных пластов русской христианской культуры и утверждении свойственного книжной культуре и устному народному творчеству «радостного христианства», основанного на убеждении в силе милосердия, сострадания к грешникам и конечном спасении души.

Ключевые слова: В. Ф. Одоевский, повесть, сказание, житие, апокриф, духовный стих, евангельский текст, идея

Для цитирования: Терешкина Д. Б. Религиозная идея повести В. Ф. Одоевского «Необойденный дом» // Проблемы исторической поэтики. 2022. Т. 20. № 1. С. 149–167. DOI: 10.15393/j9.art.2022.10582

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2022.10582

“Religious Feeling” in the Short Novel (Povest’) by V. F. Odoevsky “The Unspent House”

Daria B. Tereshkina

*The Russian Presidential Academy of National Economy and Public
Administration (RANEPA) (Branch in Veliky Novgorod)
(Novgorod the Great, Russian Federation)*

e-mail: terdb@mail.ru

Abstract. The article offers an analysis of V. F. Odoevsky’s short novel (povest’) “The Unspent House” (1840) in the context of its reflection of the “religious feeling” that was characteristic of writer-encyclopedist V. F. Odoevsky throughout his life. In the “The Unspent House,” which combines the traditions of a romantic short novel (povest’) with elements of fiction, ancient Russian legend, hagiographical texts, apocrypha, spiritual verse, “religious feeling” is manifested not only in the syncretic poetics of the work, where the gospel text sounds most clearly, but also at the level of understanding Christianity as a nationwide “religious feeling” with the most diverse connotations, but with the general meaning of forgiveness, mercy and love. The spiritual poems, whose publication V. F. Odoevsky later actively participated in, were the likely sources of the short novel (povest’). Works of medieval literature (“The Walk of the Virgin in Torment,” “The Tale of Savva Grudtsyn”) may have been the sources of the “legend”; parallels are also found with hagiographic literature. The “religious feeling” of V. F. Odoevsky, as stated in the article, intended to unite different layers of the Russian Christian culture. It asserted “joyful Christianity,” which was characteristic of book culture and oral folk art, and based on the belief in the power of mercy, compassion for sinners and the ultimate salvation of the soul.

Keywords: V. F. Odoevsky, short novel (povest’), legend, life, apocrypha, spiritual verse, gospel text, idea

For citation: Tereshkina D. B. “Religious Feeling” in the Short Novel (Povest’) by V. F. Odoevsky “The Unspent House”. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2022, vol. 20, no. 1, pp. 149–167. DOI: 10.15393/j9.art.2022.10582 (In Russ.)

Религиозная идея в творчестве В. Ф. Одоевского в исследованиях рассматривается не так часто [Турьян], [Греков], [Гуминский], [Тулякова]. О произведениях В. Ф. Одоевского пишут в связи с историей русской романтической, в том числе фантастической повести [Сахаров], [Васильев], историей

русской философии [Муравьев], [Тарасов], творчеством других писателей [Левина], [Назирова], [Сытина, 2017, 2021], [Тарасов]. О православном мироощущении писателя говорится в работах Ю. Н. Сытиной, опубликовавшей целый цикл статей о разных аспектах поэтики произведений одного из наиболее видных мыслителей русского XIX в. [Сытина, 2014, 2015, 2017, 2021]. В последние десятилетия взгляд на личность и наследие писателя, общественного деятеля, издателя, ученого и мыслителя начинает пересматриваться [Вишневская].

Повесть «Необойденный дом. Древнее сказание о калике перехожей и о некоем старце», написанная В. Ф. Одоевским в 1840 г. и опубликованная в 1842 г. в «Альманахе в память двухсотлетнего юбилея имп. Александровского университета», была положительно оценена современниками: В. Н. Майковым, В. Г. Белинским, охарактеризовавшим повесть как «прекрасно рассказанную»¹. Несмотря на то, что имя В. Ф. Одоевского было хорошо известно русскому читателю на протяжении XIX–XX вв., повесть долгое время не переиздавалась и не входила в круг привычных (особенно советской публике) произведений В. Ф. Одоевского, который воспринимался как ученый, писатель-фантаст, мыслитель (широко издавались лишь «Городок в табакерке», избранное из «Сказок бабушки Иреней» и некоторые другие произведения писателя). Еще в 1992 г., когда произведение вошло в сборник «Русская романтическая повесть писателей 20–40 годов XIX века», в комментариях к «древнему сказанию» В. И. Сахаров отметил: «Эта интереснейшая легенда представляет собой особую страницу в творчестве В. Ф. Одоевского и заставляет нас иначе, по-новому взглянуть не только на его творчество, но и на пути русской романтической прозы...» [Сахаров: 454–455].

Повесть «Необойденный дом» имеет достаточно сложный, увлекательный сюжет. Страница-богомолка, «калика перехожая», направляется лесной дорогой к монастырю на раннюю службу. Решив срезать путь, она заблудилась и попала к большому бревенчатому дому — как оказывается впоследствии,

¹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом); редкол.: Н. Ф. Бельчиков (гл. ред.) и др. М.: АН СССР, 1955. Т. 6: Статьи и рецензии. 1842–1843 / под ред. Б. И. Бурсова. С. 113.

разбойничьему притону, где ей навстречу выходит пятнадцатилетний юноша. Он дает старушке хлеба и воды и просит ее убраться поскорее, пока не вернулись его старшие товарищи. Странница уходит в монастырь дорогой, которую ей показывает отрок, но не попадает и к обедне, а вновь приходит к этому же дому. Там ее встречает мужчина тридцати пяти лет, который узнает старушку, а она его — нет, потому что уверена, что прошло несколько часов, тогда как минуло двадцать лет жизни. Ситуация повторяется, старушка уходит, но не попадает и к вечерне, потому что возвращается в тот же дом, где ее встречает старик лет шестидесяти, который на этот раз приводит ее прямо в дом, кается ей в своих прегрешениях — убийствах, грабежах, мучительствах — и показывает ей кладовую, в которой старушка узнает ожерелье собственной дочери, а еще ранее видит полотенце, которое когда-то дарила сыну. Старик признается, что и сын, и дочь ее убиты разбойниками (причем дочь зверски замучена им самим). Старушка плачет и спешит покинуть страшное место, идет в церковь замаливать смертные грехи Федора, как представился ей ее провожатый, не верящий ни в спасение своей души, ни в то, что мать будет молиться за убийцу своих детей. В храм Федор направляется вместе с ней.

Наконец-то добравшись до собора, ко всемогущей, старушка в великом смятении видит в храме своих выросших детей, сына и дочь, уже обзаведшихся детьми и живущих как у Христа за пазухой: потеряв мать, давно ушедшую на богомолье и не вернувшуюся, они стали устраивать свою жизнь, в которой, по их словам, «будто святой о нас старается, невесть откуда со всех сторон добро нам в дом идет»². Первыми узнавшие мать дети поведали ей, что в какое-то время им по очереди снился страшный сон о том, как принимают они смерть от рук разбойников. Мать дивится и спрашивает их, не сохранились ли у них ее подарочки — рушник да ожерелье. Дети, сокрушаясь, рассказали, что они пропали после их снов бесследно. Мать ничего не говорит на это и просит всех отстоять

² Одоевский В. Ф. Необойденный дом // Русская романтическая повесть писателей 20–40-х годов XIX века / сост., вступ. ст. и прим. В. И. Сахарова. М.: Пресса, 1992. С. 156. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием страницы в круглых скобках.

благодарственный молебен. Стоя в церкви, они видят старца, благодарного о камни в углу церкви.

Проходит тридцать лет. Старица, достигнув шестидесятилетнего возраста, мирно умирает в келье отдаленного монастыря на Белом море. К ней — исповедовать и причастить — посылают старца Феоктиста, который, за дряхлостью и болезнью, почти никуда не выходит. Придя к умирающей, иеромонах Феоктист бросается ей в ноги и, называя святой, рассказывает о великой милости Божьей, приведшей его к покаянию и позволившей принять ангельский чин. Старица рада, что Феоктист — бывший грешник Федор — приходит к ней как исповедник, чтоб «не возгордилась» она его покаянием. Тщетно прождав отца Феоктиста, пришедшие утром родные старушки нашли их обоих усопшими, «лучи восходящего солнца светились на лицах старца и старицы, казалось, они еще молились, — но уже души их отлетели в вечную обитель...» (158).

Повесть, вместившая множество разнородных, фольклорных и литературных, источников, является литературным произведением, обозначенным В. Ф. Одоевским как «сказание». Сказания, отражающие изначально устную, но сохранившуюся в литературе традицию, как правило, менее сложны по композиции, могут включать элементы чудесного, но все же не фантастического³. В. Ф. Одоевский, мастер фантастики, организует повесть в сложной системе смешения разных пластов времени, параллельных и пересекающихся событий. Разница между объективным и индивидуальным временем героев, смешение сна и реальности, предметы, становящиеся «сцеплением» фантастического мира и привычной челове-

³ Мы разграничиваем понятия «фантастическое» и «чудесное» как категории, сформированные разными взглядами на изображенную действительность: «фантастическое» — категория эстетическая: «Фантастика — категория поэтики, и в ее оценке следует прежде всего исходить из законов искусства — условных, конечно (иными они просто не могут быть)» [Захаров, 1986: 54]. «Чудесное» — понятие «христианского реализма», в котором «многие события, кажущиеся на поверхностный взгляд неправдоподобными, либо фантастическими в художественном мире <...>, могут быть охарактеризованы как проявления христианского реализма» [Есаулов: 61]. См. также о «тайне», в том числе в повести «Необойденный дом» [Греков: 81].

ской жизни — все это делает повесть многослойной, и не только в части композиции, но и по смыслу. Фантастическое в тексте представляет собой, по мнению И. В. Семибратовой, третий тип фантастики из классификации С. Ф. Васильева [Васильев]: это «фантастика как литературная условность, где фантастическое фигурирует на вторых ролях и является заранее заданным автором и добровольно разделяемым читателем художественным допущением. Оно преследует цель не изображения собственно фантастического, а раскрытия с помощью фантастических средств некоторых сторон реальной действительности или перспектив будущего» [Семибратова: 14–15]. Этот тип фантастики наиболее полно представлен в творчестве Н. Гоголя, сказках В. Одоевского, в «Превращении голов в книги и книг в головы» О. Сенковского (подробнее см.: [Васильев]). Сказкой повесть «Необойденный дом» в полной мере назвать сложно (хотя элементы сказочной поэтики в ней, несомненно, присутствуют), но описываемый исследователями тип фантастического отражается и здесь. Символика богослужбных суток как цикла человеческой жизни показана писателем буквально — посредством изображения параллельно текущей церковной (вневременной) и человеческой (стремительно отсчитывающей десятки лет) жизни, воплощенной в диалоге двух живущих одновременно людей. Заринского монастыря, упоминаемого в тексте, не было в то время⁴, и, вероятно, названием монастыря в повести стало видоизмененное именование Зарайского Никольского собора (на что косвенно указывает присказка «Никола тебе навстречу!»), пять раз повторенное старушкой в разговорах с грешником Федором. Монастырей же на Белом море, где встречаются смерть праведница и бывший грешник, много, им могла быть любая прославленная обитель. Так вновь реальное и художественно-условное совмещаются в одном тексте.

Название повести неоднозначно. «Необойденный дом» — это не только дом, который так и не смогла, с трех попыток, обойти богomoлица. Это дом, в котором суждено было спастись

⁴ Заринский Данилов пещерный монастырь на Алтае станет известен лишь в начале XX в. (подробнее см.: Свято-Данииловский подземный храмовой комплекс (Заринский район Алтайского края) [Электронный ресурс]. URL: <https://top100.rgo-altay.ru/00182.html> (25.08.2021)).

человеку, осененному Божьей благодатью, — как всегда, случающейся неведомыми человеку путями (не плутай старушка по лесу, не произошло бы всей этой истории). Мотив чуда, несмотря на фантастичность литературной повести, является в «сказании» главенствующим.

Примечательно, что в произведении ни у кого из героев, кроме Федора, у которого два имени — мирское и монашеское, — нет имен. Имя прощенного грешника, конечно, случайно. Федор в буквальном переводе с греческого — «дар Божий». В русском сознании оно связано прежде всего с мучениками Феодором Стратилатом и Феодором Тироном. Это бывшие воины, которые в свое время проливали кровь, пострадали и умерли мученической смертью, проповедуя имя Христово. Неслучайно и имя «Феоктист» ('созданный Богом'): герой, ведомый Господом, действительно воссоздается как новый человек в истине, растративший на грехи Божий дар в первой, большей, части своей жизни. Есть основание считать, что вся история, все судьбы и события в повести существуют лишь для одной цели — повествования о спасении одной заблудшей души, которая Христу важнее, чем все овцы не заблудившиеся (Мф. 18:12–14), (Лк. 15:3–7), ибо «на небесах более радости будет об одном грешнике кающемся, нежели о девяноста девяти праведниках, не имеющих нужды в покаянии» (Лк. 15:7).

Упоминание о том, что героиня повести была не только богомолицей, но и «каликой переходной», отсылает нас к русским духовным стихам, носителем которых и были странствующие певцы-исполнители. Как известно, В. Ф. Одоевский был прекрасным знатоком русских суеверий⁵ и русской духовной народной поэзии (как и книжности, будучи заведующим Румянцевского музея). К пятому тому собрания духовных стихов П. К. Бессонова В. Ф. Одоевский написал статью «Об исконной

⁵ См., например: Одоевский В. Ф. Колдовство XIX века: письма к графине Е. П. Р...ой о привидениях, суеверных страхах, обманах чувств, кабалистике, алхимии и других таинственных науках // Житие и страдание отца и монаха Авеля; Колдовство XIX века: письма к графине Е. П. Р...ой о привидениях, суеверных страхах, обманах чувств, кабалистике, алхимии и других таинственных науках. М.: Спецкнига, 2005. С. 83–138.

великорусской музыке»⁶, некоторые напевы переложил со слуха нотами⁷, будучи прекрасным музыковедом⁸. В повести есть отсылки почти ко всем основным сюжетам духовных стихов: о каликах переходящих, направляющихся на богомолье⁹, о вечной жизни¹⁰, духовные стихи Богородичного цикла, прежде всего о Богоматери милующей¹¹, Страшном Суде, где роль Богородицы-молитвенницы является центральной (устные вариации апокрифа о хождении Богородицы по мукам)¹². Конечно, речь не идет о прямых цитированиях и заимствованиях; в повести слышатся отголоски народного представления о христианстве, выраженные, в том числе, в духовных стихах. Их не мог не знать В. Ф. Одоевский еще задолго до сотрудничества с П. А. Бессоновым, иначе бы он не указал в подзаголовке повести, что это — «сказание о калике переходящей и некоем старце» — и иначе бы в 1863 г. П. Бессонов не называл В. Ф. Одоевского «глубоким знатоком» и «любителем

⁶ Письмо кн. В. Ф. Одоевского к издателю «Об исконной великорусской музыке» // Калекы переходящие. Исследование П. Бессонова. М.: Тип. лазар. инст. вост. языков, 1863. Вып. 5. С. I–XI.

⁷ В предисловии к вып. 4 сборника духовных стихов П. Бессонов признавал большое значение труда В. Ф. Одоевского в переложении напевов духовных стихов на ноты: «...напевы чисто-народные, безыскусственные <...> верно записать <...> и выразить музыкою, при нынешних господствующих ее приемах — дело далеко не легкое. С немногими нотами, напечатанными нами прежде, мы пробились едва ли не больше, чем с целым изданием трех выпусков: и все-таки не достигли вполне, чего желали. Только недавно нам посчастливилось, с прибытием в Москву на постоянное житье глубокого знатока всякой, а еще более опытного исследователя и любителя нашей музыки народной, князя В. Ф. Одоевского. К следующему 5-му выпуску он готовит нам целый очерк особенностей народной нашей музыки» (Бессонов П. К читателям // Калекы переходящие. Исследование П. Бессонова. М.: Тип. лазар. инст. вост. языков, 1863. Вып. 4. С. XLVIII).

⁸ Кубасов Ив. Одоевский, князь Владимир Федорович // Русский биографический словарь / изд. под наблюд. председ. по Импер. рус. историч. общества А. А. Половцова. СПб.: Тип. гл. упр. уделов, 1905. Т. 12. С. 150.

⁹ Калекы переходящие. Исследование П. Бессонова. М.: Тип. А. Семана, 1861. Вып. 1. С. 7–20.

¹⁰ Калекы переходящие. Исследование П. Бессонова. М.: Тип. лазар. инст. вост. языков, 1863. Вып. 5. С. 253–260.

¹¹ Там же. Вып. 4. С. 8–142.

¹² Там же. Вып. 5. С. 65–252.

нашей музыки народной¹³. В повести отразились те сюжеты духовной народной поэзии, которые Г. П. Федотов считает «излюбленными»: «...содержание духовного стиха чаще всего есть песнь о страданиях героя: Христа, Адама, Лазаря, мученика, аскета. Особенно излюблены народом два типа страдальцев: юные страстотерпцы (и это находит свои параллели в истории канонизации русских святых) и страдалицы-матери: Рахиль, Милосливая жена, Богородица» [Федотов: 22–23]. Все народное христианство, воплощенное в духовных стихах странников-сказителей, отражено не только и не столько в «роде занятий» героини повести (была ли старушка сказительницей раньше или является ею в момент повествования — неясно), сколько во всем ее богоугодном облике, совмещающем прощение, любовь, милосердие, надежду на воссоединение всех душ, верящих во Христа, в Царствии Небесном. Старица в повести В. Ф. Одоевского, таким образом, становится носителем главных заповедей православия не только формально (в народном поэтическом наследии), но и по сути, воплощая в своей жизни стремление человека к житию в любви к ближнему и Христу.

Сильны в повести и книжные традиции¹⁴. Так, молитва о грешнике прямо перекликается с чудом из «Жития Варлаама

¹³ Там же. Вып. 5. С. XLVIII.

¹⁴ Это утверждение как будто противоречит известному факту о том, что «следом за Пушкиным в отрицании значения “древнего русского просвещения”, наследующего “растленной Византии”, “предмета глубокого презрения” западных народов (П. Я. Чаадаев), пошел В. Ф. Одоевский. Про “Слово о полку Игореве” он не вспоминал и был склонен отказать в оригинальности (самобытности) всей древнерусской культуре» [Гуминский: 72]. Известно, однако, что декларативные заявления писателей в отношении словесности других эпох и авторов не исключают влияние последних на творчество заявителя. Отзывавшийся о древнерусской словесности — религиозной в основе своей — весьма нелестно, еще в середине 1840-х гг., уже через двадцать лет В. Ф. Одоевский напишет: «...в нашем отечестве искусство церковное непрестанно входит в интересы текущей жизни. <...> Это не прошедшее, а великое дело настоящего и будущего России. Древнерусское искусство есть вместе и искусство церковное, и по преимуществу национальное России современной» («Одоевский В. Ф.» Общество древнерусского искусства // Русская духовная музыка в документах и материалах. Т. III: Церковное пение пореформенной России в осмыслении современников (1861–1918). М.: ЯСК, 2002. С. 107).

Хутынского»¹⁵, где святой просит у новгородцев, вершивших суд над преступником на мосту через Волхов, отдать ему осужденного на казнь, берет его к себе, чтобы дать ему возможность отмолить совершенные грехи. Решение Варлаама вступило в противоречие, по мысли простых новгородцев, с его действиями в другом случае, когда он проследовал мимо толпы новгородцев, казнивших невинного; на вопрос изумленных учеников святой ответил, что несправедливо осужденный уже пребывает в Царствии Божиим и помощь духовника ему не нужна. Искреннее изумление героя повести Федора отражает обыденное мировоззрение: уверенность в том, что молятся за праведных. Сознание же истинно верующих подкрепляется мыслью о необходимости особенно усердной молитвы за совершивших грех, рассчитывая на Божье милосердие.

Одним из литературных источников «сказания» «Необойденный дом» могла стать древнерусская «Повесть о Савве Грудцыне»¹⁶, если один из списков повести был доступен В. Одоевскому (повесть впервые опубликована в 1859 г.) [Скрипиль, 1935: 182]. Аллюзии на средневековое повествование о грешнике читаются в заключительной части «сказания» В. Ф. Одоевского, когда совершенное разбойниками убийство брата и сестры оказывается на поверку сном. Дети странницы живы и невредимы, и грех Федора превращается в мнимое преступление. Герой «Повести о Савве Грудцыне», подписавший письмо о продаже своей души дьяволу и через многие мытарства пришедший к покаянию, освобождается от своей клятвы нечистой силе: Богородица, вняв молениям болящего и страдающего духом Саввы, исцеляет его, а богоотметное письмо спадает с неба уже без всякого текста, все «заглажено». «“Повесть о Савве Грудцыне” переписывалась, иллюстрировалась и читалась на протяжении всего XVIII в. Большинство сохранившихся ее списков, — а их всего около 80, — относится именно к этому веку. Встречающиеся на ее листах пометки — Новая-Ладога, Тверь, Ярославль, Астрахань и пр. —

¹⁵ Житие Варлаама Хутынского: в двух списках. СПб., 1881 (ОЛДП, вып. 41).

¹⁶ Повесть о Савве Грудцыне // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, Н. В. Понырко. СПб.: Наука, 2006. Т. 15: XVII век. С. 44–58.

свидетельствуют о повсеместном распространении ее в это время» [Скрипиль, 1948]. Однако в повести В. Ф. Одоевского грех Федора не полностью «изглажен»: предметы, которых лишились дети калики перехожей, напоминают о свершившемся убийстве.

Еще один возможный книжный источник повести — апокриф «Хождение Богородицы по мукам»¹⁷. Один из самых популярных на Руси «отреченных текстов» (ранний список относится к XII в.) не раз использовался в литературе Нового времени [Коротаяева, 2006, 2007], [Дергачева: 130–131]; апокриф повествует о путешествии Божией Матери в ад в сопровождении архангела Михаила¹⁸. Богородица видит всех, грешивших в земной жизни, испытывающих страшные муки за свои прегрешения. Сокрушаясь и скорбя, Богородица при помощи всех призываемых Ею святых, в том числе архангела Гавриила, первым известившего Ее о приходе в мир Сына Божия, умоляет Бога помиловать грешников, ибо «они назвались чадами Сына Моего»¹⁹. Странница — героиня повести В. Ф. Одоевского — из калики перехожей превращается в святую, молящуюся за убийцу своих детей.

Какими бы ни были источники повести «Необойденный дом», главное — в ее глубоком христианском смысле. В отличие от духовных стихов, проповедовавших прежде всего страх Божий и смирение²⁰, повесть приближается к агиографической

¹⁷ Хождение Богородицы по мукам // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. СПб.: Наука, 2004. Т. 3: XI–XII века. С. 306–321.

¹⁸ Апокриф оказал влияние и на народную поэзию. Духовный стих «Страшный суд» во множестве зафиксированных вариантов представляет собой плач грешников о своей участи (Калеки перехожие. Исследование П. Бессонова. М.: Тип. лазар. инст. вост. языков, 1863. Вып. 5. С. 65–252). Однако главной идеей духовного стиха становится утверждение неотвратимости воздаяния за грехи и вечной муки для грешников, не успевших раскаяться при земной жизни. Мыслью о силе милосердия повесть В. Одоевского близка именно книжной традиции.

¹⁹ Хождение Богородицы по мукам. С. 317.

²⁰ «Несмотря на всю напряженность народной религии богоматеринства, иерархическое место женского божественного начала предопределяет исход трагедии. Мать не может быть искупительницей. В конце концов она склоняется перед волей Сына, и человеческий род остается неискупленным. Так тяжкое искажение христологии, потемнение веры

литературе, провозглашавшей «радостное» христианство, веру в прощение и милосердие Божие²¹. Ив. Кубасов в статье «Русского биографического словаря» (1900) отмечал: «Религиозное чувство было сильно развито в Одоевском и получило более или менее прочное теоретическое обоснование за время пребывания князя в Благородном пансионе; в зрелые годы он держался убеждения, что “религиозная потребность души растет вместе с ее развитием”, ergo — “религия разумна”. Увлекаясь чтением Св. Писания и сочинениями св. отцов, он не раз подумывал взяться за перо и для сочинения теологического содержания. <...> Религиозные взгляды Одоевского были по преимуществу в духе православной церкви»²². Веком позже современный исследователь справедливо пишет о евангельском тексте у В. Ф. Одоевского: «Если внешне Одоевский, безусловно, близок немецкому романтизму, то мировоззренческие,

в Христа-Спасителя обуславливает трагическую безнадежность эсхатологии. Слабый просвет остается, конечно, и в ней — достаточный для того, чтобы поддерживать силы в изнемогающем от страданий человечестве. Но основной фон жизни остается неизменно мрачным. Несмотря на божественную красоту и благость земли, несмотря на заступничество стольких небесных сил, зло торжествует в мире и шансы на спасение в вечности ничтожны. Оттого жалобой и ужасом звучат “духовные стихи” слепцов» [Федотов: 120].

²¹ Определение «радостное христианство» может вызывать сомнения, особенно учитывая имеющееся мнение о представлении русского православия как веры, основанной на сострадании, милости и жалости даже к тем душам, которые могли быть достойны смерти [Шульц]. Идеи жертвенности, страдания и милосердия становятся ключевыми в понятии русской святости. Однако имея в виду именно русское представление о сути христианства, можно утверждать, что смыслы, заключенные во всей русской книжной культуре, и есть утверждение надежды на конечное спасение души — как бы тернисты ни были ее пути в земном мире. Это, несомненно, касается книжной культуры, прежде всего агиографии, традиции которой очевидны в иных жанрах средневековой словесности и русской литературы Нового времени. Литература, в отличие от устной словесной культуры, отражает *рефлексию* человеческого опыта и духовной жизни, а не просто их описание или визуализацию в поражающих воображение формах. На ином уровне «радостное христианство» представлено в русском фольклоре (например, жанре религиозной легенды), где «мы найдем иной образ Христа, доброго и человеческого, близкого к народу» [Федотов: 124]. Обе традиции могли быть близки мировоззрению и творчеству В. Ф. Одоевского.

²² Кубасов Ив. Одоевский, князь Владимир Федорович // Русский биографический словарь. С. 131.

духовные нити, проявляющиеся в подтексте, связывают его с Православием, “живой рекой” многовекового предания русской культуры. <...> ...появление евангельского текста или же его отсутствие не всегда может свидетельствовать о духовном содержании и христианской или не-христианской аксиологии произведения — главную роль в раскрытии его смысла играет подтекст, проступающий в художественном целом сочинения, выявить который позволяет филологический анализ его поэтики» [Сытина, 2017: 32]. Речь идет о повести «Живописец», написанной Одоевским в 1839 г. На следующий год он пишет «Необойденный дом», в котором евангельский текст звучит гораздо более отчетливо, почти напрямую. Но и здесь, как мы видим, евангельский текст [Захаров, 1994] становится многомерным воплощением отражения новозаветных истин в самых разных слоях русской словесности и культуры²³.

«Религиозное чувство» В. Ф. Одоевского и героев его повести-сказания, таким образом, уходило своими корнями в русское православное сознание, истоки которого — в устной духовной поэзии, в традициях древнерусской книжности, в живом Священном Предании Русской Церкви. Это «религиозное чувство» было исполнено ощущением извечного присутствия Бога среди людей, спасающихся от грехов покаянием, милостью Божией, верой и любовью к ближнему.

²³ Размышляя над спецификой жанра повести, Н. А. Тулякова пишет: «Сюжетный план явно указывает на существование второго, подразумеваемого плана, который, однако, не эксплицирован: рассказ о заблудившейся старушке отсылает к христианским мотивам скитания души. Используется символическая логика, основанная на соединении мифологических, религиозных, фольклорных образов и архетипов, в отличие от легенды, где устанавливается прямое соответствие между историей и мифом. События сказания невозможно истолковать однозначно, т. е. авторская интенция затемнена. Таким образом, предание рассказывает о первоосновах, которые реализованы в истории, легенда показывает историю через миф, а сказание сообщает универсальную правду, у которой нет исходной точки» [Тулякова: 167].

Список литературы

1. Васильев С. Ф. Поэтика «реального» и «фантастического» в русской романтической прозе // Проблемы исторической поэтики. 1990. Т. 1. С. 73–81 [Электронный ресурс]. URL: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2345> (23.08.2021). DOI: 10.15393/j9.art.1990.2345
2. Вишневская Е. Э. В. Ф. Одоевский в истории книжной культуры России (1820–1860-е гг.). М., 2014. 485 с.
3. Греков В. Н. «Соучастник судьбы»: философия и поэтика тайны в прозе В. Ф. Одоевского // Литература и философия: от романтизма к XX веку. К 150-летию со дня смерти В. Ф. Одоевского / отв. ред. и сост. Е. А. Тахо-Годи. М.: Водолей, 2019. С. 81–92.
4. Гуминский В. М. К проблеме самобытного развития русской литературы: Гоголь и другие // Литература и философия: от романтизма к XX веку. К 150-летию со дня смерти В. Ф. Одоевского / отв. ред. и сост. Е. А. Тахо-Годи. М.: Водолей, 2019. С. 71–80.
5. Дергачева И. В. Прецедентный интертекст в поэме «Великий инквизитор» // Проблемы исторической поэтики. 2021. Т. 19. № 2. С. 125–140 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1620247079.pdf (25.08.2021). DOI: 10.15393/j9.art.2021.9622
6. Есаулов И. А. Фантастическое — чудесное — реальное в поэтике и прозаическая реальность литературоведения: постановка проблемы // Проблемы исторической поэтики. 2016. Вып. 4: Поэтика фантастического. С. 53–71 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1482751973.pdf (25.08.2021). DOI: 10.15393/j9.art.2016.3744
7. Захаров В. Н. Условность и фантастика (взаимоотношение категорий) // Жанр и композиция литературного произведения: межвуз. сб. Петрозаводск, 1986. С. 47–54.
8. Захаров В. Н. Русская литература и христианство // Проблемы исторической поэтики. 1994. Вып. 3. С. 5–11 [Электронный ресурс]. URL: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2370> (25.08.2021). DOI: 10.15393/j9.art.1994.2370
9. Коротаева И. В. Апокриф «Хождение Богородицы по мукам» и богородичные мотивы в контексте творчества Ф. М. Достоевского // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2006. № 5 (1) [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/apokrif-hozhdenie-bogoroditsy-po-mukam-i-bogorodichnye-motivy-v-kontekste-tvorchestva-f-m-dostoevskogo> (23.08.2021).
10. Коротаева И. В. Апокриф «Хождение Богородицы по мукам» в финальной сцене поэмы Н. А. Некрасова «Русские женщины» // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2007. № 5 (2) [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/apokrif-hozhdenie-bogoroditsy-po-mukam-v-finalnoy-stsene-poemy-na-nekrasova-russkie-zhenshiny> (23.08.2021).
11. Левина Л. А. Два князя (Владимир Федорович Одоевский как прототип Льва Николаевича Мышкина) // Достоевский. Материалы и исследования. СПб.: Наука, 1997. Т. 14. С. 139–152.

12. Муравьев В. Русский Фауст // Одоевский В. Ф. Последний квартет Бетховена / сост., вступ. ст. и прим. Вл. Муравьева. М.: Московский рабочий, 1982. С. 3–34.
13. Назиров Р. Г. Владимир Одоевский и Достоевский // Русская классическая литература: сравнительно-исторический подход. Исследования разных лет: сб. ст. Уфа: РИО БашГУ, 2005. С. 37–41.
14. Сахаров В. И. Форма времени // Русская романтическая повесть писателей 20–40-х годов XIX века / сост., вступ. ст. и прим. В. И. Сахарова. М.: Пресса, 1992. С. 5–30.
15. Семибратова И. В. Типология фантастики в русской прозе 30–40-х годов XIX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1973. 20 с.
16. Скрипиль М. О. Повесть о Савве Грудцыне // Труды отдела древнерусской литературы. М.; Л.: Акад. наук СССР, 1935. Т. 2. С. 181–214.
17. Скрипиль М. О. Повесть о Савве Грудцыне // История русской литературы: в 10 т. / редкол. А. С. Орлов, В. П. Адрианова-Перетц, Н. К. Гудзий. М.; Л.: Акад. наук СССР, 1948. Т. 2. Ч. 2: Литература 1590–1690-х гг. С. 222–227 [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/irl/il0/i22/i22-2222.htm> (22.08.2021).
18. Сытина Ю. Н. Евангельская притча о талантах в жизни и творчестве В. Ф. Одоевского // Проблемы исторической поэтики. 2014. Вып. 12. С. 189–198 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1429612453.pdf (22.08.2021). DOI: 10.15393/j9.art.2014.740
19. Сытина Ю. Н. Икона в художественной прозе В. Ф. Одоевского // Проблемы исторической поэтики. 2015. Вып. 13. С. 161–173 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1449768369.pdf (25.08.2021). DOI: 10.15393/j9.art.2015.2921
20. Сытина Ю. Н. Евангельский текст и подтекст в повестях И. И. Панаева «Дочь чиновного человека» и В. Ф. Одоевского «Живописец» // Проблемы исторической поэтики. 2017. Т. 15. № 4. С. 22–37. [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1512470126.pdf (25.08.2021). DOI: 10.15393/j9.art.2017.4721
21. Сытина Ю. Н. В поисках «положительно прекрасного» героя: князь Мышкин Ф. М. Достоевского и Сегелиель В. Ф. Одоевского // Проблемы исторической поэтики. 2021. Т. 19. № 1. С. 173–193 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1612711387.pdf (25.08.2021). DOI: 10.15393/j9.art.2021.8862
22. Тарасов Б. Н. Утопизм западного рационализма, позитивизма и утилитаризма в зеркале антропологической и историософской мысли Ф. М. Достоевского и В. Ф. Одоевского // Проблемы исторической поэтики. 2019. Т. 17. № 2. С. 135–163 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1561975982.pdf (25.08.2021). DOI: 10.15393/j9.art.2019.6302
23. Тулякова Н. А. От предания к легенде и сказанию: к вопросу о «псевдофольклорных» жанровых обозначениях в прозе В. Ф. Одоевского // Литература и философия: от романтизма к XX веку. К 150-летию со дня смерти В. Ф. Одоевского / отв. ред. и сост. Е. А. Тахо-Годи. М.: Водолей, 2019. С. 161–170.

24. Турьян М. А. Странная моя судьба: о жизни Владимира Федоровича Одоевского. М.: Книга, 1991. 400 с.
25. Федотов Г. П. Стихи духовные. Русская народная вера по духовным стихам. М.: Прогресс: Гнозис, 1991. 192 с.
26. Шульц О. Русский Христос // Проблемы исторической поэтики. 1998. Т. 5. С. 31–41 [Электронный ресурс]. URL: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2473> (25.08.2021). DOI: 10.15393/j9.art.1998.2473

References

1. Vasil'ev S. F. Poetics of the Real and Fantastic in Russian Romantic Prose. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1990, vol. 1, pp. 73–81. Available at: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2345> (accessed on August 23, 2021). DOI: 10.15393/j9.art.1990.2345 (In Russ.)
2. Vishnevskaya E. E. V. F. *Odoevskiy v istorii knizhnoy kul'tury Rossii (1820–1860-e gg.) [V. F. Odoevsky in the History of Literary Culture of Russia (1820–1860-ies)]*. Moscow, 2014, 485 p. (In Russ.)
3. Grekov V. N. “Accomplice of Fate”: Philosophy and Poetics of Mystery in the Prose of V. F. Odoevsky. In: *Literatura i filosofiya: ot romantizma k XX veku. K 150-letiyu so dnya smerti V. F. Odoevskogo [Literature and Philosophy: From Romanticism to the 20th Century. To the 150th Anniversary of the Death of V. F. Odoevsky]*. Moscow, Vodoley Publ., 2019, pp. 81–92. (In Russ.)
4. Guminskiy V. M. To the Problem of the Original Development of Russian Literature: Gogol and Others. In: *Literatura i filosofiya: ot romantizma k XX veku. K 150-letiyu so dnya smerti V. F. Odoevskogo [Literature and Philosophy: From Romanticism to the 20th Century. To the 150th Anniversary of the Death of V. F. Odoevsky]*. Moscow, Vodoley Publ., 2019, pp. 71–80. (In Russ.)
5. Dergacheva I. V. Precedential Intertext in the Poem “The Grand Inquisitor”. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2021, vol. 19, no. 2, pp. 125–140. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1620247079.pdf (accessed on August 25, 2021). DOI: 10.15393/j9.art.2021.9622 (In Russ.)
6. Esaulov I. A. Fictional — Miraculous — Real in Poetics and the Prosaic Reality of Literature Study: Formulation the Problem. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2016, issue 4: Poetics of the Fantastic, pp. 53–71. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1482751973.pdf (accessed on August 25, 2021). DOI: 10.15393/j9.art.2016.3744 (In Russ.)
7. Zakharov V. N. Convention and Fiction (Relationship of Categories). In: *Zhanr i kompozitsiya literaturnogo proizvedeniya: mezhvuzovskiy sbornik [Genre and Composition of a Literary Work: Interuniversity Collection]*. Petrozavodsk, 1986, pp. 47–54. (In Russ.)

8. Zakharov V. N. Russian Literature and Christianity. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 1994, issue 3, pp. 5–11. Available at: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2370> (accessed on August 25, 2021). (In Russ.)
9. Korotaeva I. V. The Apocrypha “The Walking of the Virgin in Torment” and the Virgin Motifs in the Context of the Work of F. M. Dostoevsky. In: *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «Istoriya i filologiya» [Bulletin of Udmurt University. Series History and Philology]*, 2006, no. 5 (1). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/apokrif-hozhdenie-bogoroditsy-pomukam-i-bogorodichnye-motivy-v-kontekste-tvorchestva-f-m-dostoevskogo> (accessed on August 23, 2021). (In Russ.)
10. Korotaeva I. V. The Apocrypha “The Walking of the Virgin Through Torments” in the Final Scene of the Poem by N. A. Nekrasov “Russian Women”. In: *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «Istoriya i filologiya» [Bulletin of Udmurt University. Series History and Philology]*, 2007, no. 5 (2). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/apokrif-hozhdenie-bogoroditsy-pomukam-v-finalnoy-stsene-poemy-n-a-nekrasova-russkie-zhenschiny> (accessed on August 23, 2021). (In Russ.)
11. Levina L. A. Two Princes (Vladimir Fyodorovich Odoevsky as a Prototype of Lev Nikolaevich Myshkin). In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya [Dostoevsky. Materials and Researches]*. St. Petersburg, Nauka Publ., 1997, vol. 14, pp. 139–152. (In Russ.)
12. Murav'ev V. Russian Faust. In: *Odoevskiy V. F. Posledniy kvartet Betkhovena [Odoevsky V. F. The Last Quartet of Beethoven]*. Moscow, Moskovskiy rabochiy Publ., 1982, pp. 3–34. (In Russ.)
13. Nazirov R. G. Vladimir Odoevsky and Dostoevsky. In: *Russkaya klassicheskaya literatura: sravnitel'no-istoricheskiy podkhod. Issledovaniya raznykh let [Russian Classical Literature: a Comparative Historical Approach. Studies of Different Years]*. Ufa, Bashkir State University Publ., 2005, pp. 37–41. (In Russ.)
14. Sakharov V. I. The Form of Time. In: *Russkaya romanticheskaya povest' pisateley 20–40-kh godov XIX veka [Russian Romantic Novel by Writers of the 20–40s of the 19th Century]*. Moscow, Pressa Publ., 1992, pp. 5–30. (In Russ.)
15. Semibratova I. V. *Tipologiya fantastiki v russkoy proze 30–40-kh godov XIX veka: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Typology of Science Fiction in Russian Prose of the 30s–40s of the 19th Century. PhD. philol. sci. diss. abstract]*. Moscow, 1973. 20 p. (In Russ.)
16. Skripil' M. O. The Tale of Savva Grudtsyn. In: *Trudy Otdela Drevnerusskoy Literatury*. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1935, vol. 2, pp. 181–214. (In Russ.)
17. Skripil' M. O. The Tale of Savva Grudtsyn. In: *Istoriya russkoy literatury: v 10 tomakh [History of Russian Literature: in 10 Vols]*. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1948, vol. 2, part 2, pp. 222–227. Available at: <http://feb-web.ru/feb/irl/il0/i22/i22-2222.htm> (accessed on August 22, 2021). (In Russ.)

18. Sytina Yu. N. The Gospel Parable of the Talents in the Life and Works of V. F. Odoevsky. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2014, issue 12, pp. 189–198. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1429612453.pdf (accessed on August 22, 2021). DOI: 10.15393/j9.art.2014.740 (In Russ.)
19. Sytina Yu. N. An Icon in the Prose of V. F. Odoevsky. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2015, issue 13, pp. 161–173. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1449768369.pdf (accessed on August 25, 2021). DOI: 10.15393/j9.art.2015.2921 (In Russ.)
20. Sytina Yu. N. The Gospel Text and Subtext in the Stories “The Daughter of a High Official” by Ivan Panayev and “The Painter” by Vladimir Odoevsky. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2017, vol. 15, no. 4, pp. 22–37. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1512470126.pdf (accessed on August 25, 2021). DOI: 10.15393/j9.art.2017.4721 (In Russ.)
21. Sytina Yu. N. In Search of a “Positively Excellent” Hero: Prince Myshkin by F. M. Dostoevsky and Segeliel by V. F. Odoevsky. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2021, vol. 19, no. 1, pp. 173–193. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1612711387.pdf (accessed on August 25, 2021). DOI: 10.15393/j9.art.2021.8862 (In Russ.)
22. Tarasov B. N. The Utopianism of Western Rationalism, Positivism and Utilitarianism in the Mirror of an Anthropological and Historiosophic Thought of F. M. Dostoevsky and V. F. Odoevsky. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2019, vol. 17, no. 2, pp. 135–163. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1561975982.pdf (accessed on August 25, 2021). DOI: 10.15393/j9.art.2019.6302 (In Russ.)
23. Tulyakova N. A. From the Story to Legend and Tale: to the Question of “Pseudo-Folklore” Genre Designations in V. F. Odoevsky’s Prose. In: *Literatura i filosofiya: ot romantizma k XX veku. K 150-letiyu so dnya smerti V. F. Odoevskogo [Literature and Philosophy: From Romanticism to the 20th Century. To the 150th Anniversary of the Death of V. F. Odoevsky]*. Moscow, Vodoley Publ., 2019, pp. 161–170. (In Russ.)
24. Tur’yan M. A. *Strannaya moya sud’ba: o zhizni Vladimira Fedorovicha Odoevskogo [My Strange Fate: About the Life of Vladimir Fedorovich Odoevsky]*. Moscow, Kniga Publ., 1991. 400 p. (In Russ.)
25. Fedotov G. P. *Stikhi dukhovnye. Russkaya narodnaya vera po dukhovnym stikham [The Sacred Poems (Russian People’s Faith in Terms of the Sacred Poems)]*. Moscow, Progress Publ., Gnozis Publ., 1991. 192 p. (In Russ.)
26. Schoultz O. Russian Christ. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 1998, vol. 5, pp. 31–41. Available at: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2473> (accessed on August 25, 2021). DOI: 10.15393/j9.art.1998.2473 (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Терешкина Дарья Борисовна, доктор филологических наук, доцент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Новгородский филиал) (ул. Германа, 31, г. Великий Новгород, Российская Федерация, 173003); ORCID: 0000-0002-2079-1116; e-mail: terdb@mail.ru. **Daria B. Tereshkina**, PhD (Philology), Associate Professor, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPА) (Branch in Veliky Novgorod) (ul. Germana 31, Novgorod the Great, 173003, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-2079-1116; e-mail: terdb@mail.ru.

Поступила в редакцию / Received 29.10.2021

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 10.01.2022

Принята к публикации / Accepted 14.01.2022

Дата публикации / Date of publication 14.02.2022